Текст · 7 сентября 2021, 06:38
Евгения Кулакова,

45 дней этапа. Путь в колонию через пол-России глазами осужденного (по делу «Сети») Виктора Филинкова и его защитницы

Этапирование в России — это изощренное, длительное и покрытое тайной издевательство над заключенными и их близкими. Неделями и месяцами люди едут в ужасных условиях, они лишены нормальной еды, медицинской помощи и даже возможности ходить в туалет, когда им хочется. Все это время их близкие не знают ничего: где сейчас заключенный, как у него дела, часто не знают даже, в какой регион этапируют человека (все это подробно описано в отчете *Amnesty International*).

Но нам повезло: о том, что Витя будет отбывать наказание в Оренбурге, ему сообщили 23 июня, когда в СИЗО пришло извещение о вступлении приговора в законную силу. Тогда же ему дали 15-минутный звонок, чтобы он сообщил об этом живущей в Казахстане маме.

Я собиралась встретиться с ним уже в Оренбурге, но потом Витя застрял в Кирове, стало ясно, что этап будет долгим, я приняла импульсивное решение съездить к нему, взяла небольшой рюкзак — и поехала.

Витя выехал из СИЗО в Петербурге 28 июня и приехал в оренбургскую колонию 12 августа. Ровно 45 дней, полтора летних месяца, длился его этап. Мое путешествие началось чуть позднее, 21 июля.

Без меня Витя успел посетить Вологду, на всех остальных пересылках мы были уже одновременно: Киров, Екатеринбург, Челябинск, Оренбург.

У меня нет статуса адвоката, но еще в феврале 2020-го суд официально допустил меня в качестве защитницы. Удивительно, но в наши дни в России есть еще такая возможность[1]. С тех пор я регулярно посещала Витю в СИЗО, участвовала в судах и старалась делать хоть что-то, чтобы пробить его изоляцию.

Свою поездку я тоже воспринимала как попытку «взломать» эту глухую систему этапирования: отследить перемещения Вити, посетить его в каждой точке, контролировать его состояние и отношение сотрудников ФСИН. Это требует колоссальных усилий, и я не знаю других примеров таких поездок — у адвокатов нет времени разъезжать по городам, у близких нет денег платить адвокату в каждом городе, нет времени и сил обзванивать по кругу СИЗО и колонии по пути следования, нет знакомых в этих городах, которых можно попросить отнести передачу в изолятор (потому что порой это единственный способ понять, там ли человек).

У меня было время, горячее желание и, конечно, поддержка товарищей и даже незнакомых до этой поездки людей.

Петербург — Вологда (с 28 июня по 4 июля)

zona.media/article/2021/09/07/filinkov-etap

В понедельник, 28 июня, Витя выехал из СИЗО в сторону Оренбурга. Я гадаю, какой дорогой его повезут? Вариантов множество, основные я для себя фиксирую так:

1) Ярославль — Нижний Новгород — Казань — Самара — Оренбург

2) Вологда — Киров — Екатеринбург — Челябинск — Уфа — Оренбург

3) хз — хз — хз — хз — хз — хз — Оренбург

В итоге верным оказался второй вариант (только с Уфой я прогадала). В среду, 30 июня, я дозвонилась до вологодского СИЗО и узнала, что Витя уже там (это, кстати, было первое и последнее учреждение за весь этап, без проблем ответившее, что Витя у них).

Ищу адвоката. Как? Забиваю «Вологда» на сайте «ОВД-Инфо» и вижу там новости о процессах, где защитником был адвокат Сергей Тихонов. Он моментально отзывается, говорит, что сходит уже на следующее утро, и даже не берет за это денег, потому что помогает «из идеологических соображений». Адвокат передает Вите кучу приветов от нас, говорит, что с ним все в порядке и что он молодец.

Из Вологды Витя прислал несколько писем, в которых описывал дорогу и местное СИЗО.

Вологодские письма Виктора Филинкова

30 июня: «В понедельник днем меня собрали на этап. А сегодня уже среда: вчера утром я прибыл в

Вологду, а вечером оказался в камере, постирался и уснул. Подробно описывать не буду, ибо не знаю, как тутачки с цензурой, скажу только, что все хорошо, правда, сижу в одиночке.
Из новостей о моем уезде со Шпалеры[2]. Хорошая:

"Фрагменты анархистской антропологии" [Дэвида Гребера] не уничтожили, а выдали. Плохая: я уехал без кружек и тарелок.
Сумок у меня ТРИ, а их вес поссорился с моею грыжей. Активно уменьшаю массу ноши: хорошо погрел едой бедолагу, выкинул термуху, раздал три пары носков и штаны. "Фрагменты" и вообще книги в Вологде у меня забрали на склад, потому что на них нет "штампа", а жаль, я бы почитал.
Говорят, следующая остановка — Киров, этап в пятницу».
2 июля: «Всюду обман! Вот уже конец пятницы, и никакого этапа. Тухло очень: одному без книг, а "межкамерного общения" мне не хочется. Посадили в спецблок, как какого-то злодея, а хочется сидеть с новыми друзьями с этапа».
4 июля: «Поездка огонь! И жара. А вот стояние боль: сегодня уже воскресенье, и меня никуда не везут. Сижу в одиночке!
За положением тут смотрит молодежь, первоходы 23-24 года, кек. Прием среди людской массы теплый. И на этапе, и на централе. Один питерский конвойный шарит о моем деле и пресекал шутки другого валенка (что я террорист и что-то хотел взорвать) фразами: "Нет!" и "Он не такой!". Тут смотрящий за общим что-то слышал о деле: что нас толпа и по бесу[3]».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Вологда — Киров (с 5 по 25 июля)

Вологда была еще и тем удивительным местом, где Вите сообщили, куда его повезут дальше — и теперь мы ищем его в Кирове. В СИЗО по телефону два дня ничего не говорят. Тогда туда идет местный активист Вадим Ананьин, он узнает: Витя в СИЗО-1. Вадим и Михаил, который тоже нам помогал, потом еще не раз пойдут в СИЗО — это единственный способ понять, увезли Витю оттуда, или нет.

В изолятор идет адвокат от «ОВД-Инфо». Витя так потом в письме описывал встречу с ним: «Очень рад, что авокад передал столько новостей! А цирик[4] "шутил", что подкинет мойку[5], я поеду на кичу[6], а у авокадо отберут лицензию. Мол, авокадо передал мне мойку и сказал, что мне надо вскрыться[7] за партию, за активистов».

Уже больше года Витя регулярно принимает антидепрессанты и нейролептики, их прием не рекомендуется резко прерывать. В Вологде ему еще выдают таблетки, но дальше — начиная с Кирова — он их больше не увидит. В его случае все более-менее обошлось, но можно только представить, как тяжело внезапное лишение лекарств переживают другие заключенные на этапе.

В письмах из Кирова Витя рассказывает об их троице: он — казах, молдаванин и узбек, с которыми познакомился в Питере на этапе и продолжает ехать вместе.

Письмо из Кирова о мокрых шортах

12 июля: «Мы лежим в больничке. Вообще-то мы не больны, но на больничку не жалуемся. Кормят хуже, чем в Гааза[8]. В целом Киров — терпимо, вот в таком варианте.

Книжки снова все отобрали — ну за что? В поезде не читал "Фрагменты"[9] — болтал.

Вчера нас шмонали. В чем смысл? На выезде из Вологды — шмонали. В столыпине — шмонали. В Киров приехали — опять шмонали!

Узбек зовет меня "казак-паша" — господин казах. Говорит, что он старый (32) и не хочет делать физуху, только отжимается от лавки. Мы с узбеком ходим гулять — на улице хорошо, а в хате очень плохо. Хотели, чтобы сегодня, в понедельник, нас увезли уже из Кирова; но нет».

17 июля: «Моюсь тут в тазу, что в первый раз шокировало узбека — тут же камера. "Ну все, буду грязный ходить, раз тут камера", — сказал ему я. Вчера отдраили хату, и я отжимался и делал мостик. Был весь мокрый! Трусы и шорты сохнут уже почти сутки. Молдаванин жалуется (чуточку), что я трачу последний кислород и еще сильнее повышаю влажность».

Нельзя жать руку в Вятском тюремном замке

Витя, похоже, надолго застрял в Кирове — и я решила навестить его там. 22 июля приезжаю на вокзал, сажусь в автобус до СИЗО. Потеют ладони — не знаю, пустят ли меня.

В Петербурге я больше года без проблем ходила в эфэсбэшный СИЗО-3[10] — меня пытались туда не пустить после вступления приговора в законную силу в июне, но быстро передумали[11] после скандала.

У меня заранее распечатано заявление с аргументацией[12], почему меня обязаны пустить. Приходится поспорить с дежурным, что все мои документы правильные, больше часа жду, пока заявление подпишет начальник и в итоге попадаю внутрь.

Комната для свиданий в кировском СИЗО: небольшой кабинет без окна с зелеными стенами и тусклым освещением. Стол, с одной стороны лавка для защитника или следователя, а с другой — клетка для заключенного. Клетка в клетке в клетке, мы все в безопасности.

Витя не расплылся в обычной своей улыбке, когда его завели в комнату. Он очень серьезно сказал мне «здравствуйте» и пожал руку. «Нельзя жать руку», — пробурчал конвоир и закрыл Витю в клетке. Я порадовалась его находчивости и самообладанию: простое рукопожатие в ситуации трехлетнего заключения имеет уже совсем другое значение. Витя удивлен и рад, не ожидал меня тут увидеть.

О СИЗО отзывается плохо, но сдержанно. На следующий день, когда я пришла снова, Витя уже с порога возмущенно говорит, что его спустили в подвал после конфликта с начальством.

Конфликт возник из-за того, что сотрудники, требуя от Вити и его сокамерников соблюдать правила для осужденных (не сидеть на кроватях днем, например), сами не соблюдали их права (не водили в баню дважды в неделю, не давали звонков, на скамейках не хватало сидячих мест). Их не раз угрожали «спустить в подвал» за возмущение, и вот 23 июля была проведена целая спецоперация: десяток сотрудников во главе с подполковником ворвались в камеру и потребовали от всех собирать вещи. Пока вели в подвальную камеру, один из сотрудников всю дорогу щелкал электрошокером.

Подвал — камера на семь человек, с окном на уровне земли, низким сводчатым потолком, деревянным полом. В камере влажно и грязно: тараканы, мухи, на полу валяются «мойки».

Так Витя отметил «экватор» своего срока: ровно 3,5 года после задержания в аэропорту Пулково 23 января 2018-го и последовавших за этим пыток. Как сказали Вите другие заключенные, теперь он будет двигаться «с горки», это попроще.

«Глупо сидеть политзекам на улице МОПРа»

СИЗО-1 Кирова — это Вятский тюремный замок, он находится на набережной Вятки. При губернаторе Никите Белых — сейчас он сидит в том же СИЗО — набережную реконструировали, она стала модной и

красивой. Днем под стенами СИЗО дети и взрослые качаются на уличных тренажерах, а ночью пацаны включают музыку и курят кальяны в открытых багажниках. Когда я выхожу из изолятора, с игровой площадки выруливает семья с маленьким мальчиком, он тычет пальцем в СИЗО и кричит: «Это зона, зона!». Молодая мама его одергивает.

Изолятор стоит на улице МОПРа — Международной организации помощи революционерам — в полукилометре от него памятник жертвам политических репрессий.

«Блин, как глупо сидеть политзекам в Вятском тюремном замке на улице МОПРа!!» — пишет Витя.

Я стою у полки с кандалами в краеведческом музее и слушаю аудиогид: «Издавна Вятская губерния была центром политической ссылки. По Сибирскому тракту отправлялись на восток, в Сибирь, ссыльные каторжники».

Иду к дому, где жил в вятской ссылке Салтыков-Щедрин, и вижу роскошный замок. В историческом центре Кирова еще есть старые дома, но многие в плачевном состоянии. Чего не скажешь об этом особняке купца Тихона Булычева, который после революции передали органам ВЧК — ну и сейчас, спустя век, в нем управление ФСБ. Интересно, сохранились ли там в подвале восточные бани?

В Кирове я познакомилась с журналисткой и членом ОНК Екатериной Лушниковой. Когда Витю перевели в подвал, она написала об этом на «Идель.Реалиях»-[13] — текст прочла местная ФСИН и даже выпустила

официальное опровержение: влажность в камерах регулярно замеряется, дезинфекция проводится, а сотрудники разговаривают с заключенными на «Вы».

Информацию о тараканах почему-то не опровергли. Лушникова в ОНК всего несколько месяцев, но ей уже фактически запретили посещать заключенных — за то, что опубликовала несколько статей об их проблемах. По регламенту члены комиссии должны посещать учреждения как минимум вдвоем, а в пару к Екатерине никто из коллег — ОНК в основном состоит из бывших силовиков — больше не идет. Летом журналистку вызвали на заседание ОНК, где была она, несколько мужчин, коллег по комиссии, а также высокопоставленный сотрудник УФСИН: все они орали на нее и угрожали, а грозный сотрудник пообещал, что в тюрьму она теперь войдет только через его труп.

Лушникова говорит, что в июле 2021 года в Вятском тюремном замке одновременно содержалось самое большое число политзеков с советских времен. Помимо экс-губернатора Белых там в то время был архангельский активист Андрей Боровиков, осужденный за репост клипа *Rammstein*, а Витя три дня провел в одной камере с Азатом Мифтаховым.

Раньше они не были знакомы — но Витя сразу узнал Азата по фотографии из газеты «Троицкий вариант — Наука». Сокамерники были в восторге, когда Витя показал им тот самый выпуск — в одной камере с настоящим ученым-математиком, о котором еще и в газетах пишут!

Письма о встрече с Азатом Мифтаховым

22 июля: «Познакомился с Азатом. А вчера его перевели [от нас], говорят, что он, мол, не осужденный. Но я знаю, где он сидит, у него все норм — за получение этого знания на меня обещали "составить материал".

Азат позанимался со мной дифурами, а я с ним — английским.

Просили-просили шахматы или домино — не дают. Нарды мы еще в той палате слепили с Р.

Поэтому позавчера я (террорист), Азат (хулиган) и два наркомана (Р. и К.) слепили шахматные фигуры — каждый по 4 (2 белых и 2 черных).

Я делал офицеров, Азат — королей и ферзей, К. — тур, а Р. вылепил потрясающих псов — когда делаем ими ходы, воем. И вообще они оказывают психологическое давление на оппонента».

28 июля: «Занимаюсь по книжуле, которую дал Азат — дифуры. Без Азата сложнее! Верните мя к Азату».

И еще одной огромной радостью в безрадостном Кирове стала для Вити новость об освобождении Игоря Шишкина. Оно произошло 23 июля — в день, когда Витю спускали в подвал. «Игорь через 2,5 недели освобождается, а я разобью полсрока», — писал Витя в одном из первых кировских писем.

В понедельник, 26 июля, я третий раз прихожу в СИЗО и узнаю, что Витю оттуда увезли. Когда и куда — мне, конечно же, не сообщают. Так что следующие два дня уходят на обзвон всех возможных учреждений на возможном пути его следования. Почти везде добиваюсь ответа, что Вити у них нет, только Екатеринбург непреклонен: «Пишите письменный

запрос». Это бессмысленно — на ответ у них по закону 30 дней (запрос я, кстати, написала, и получила ответ ровно через месяц, 25 августа).

В Екатеринбурге живет сестра Вити, поэтому она идет в СИЗО и пишет: «Он здесь».

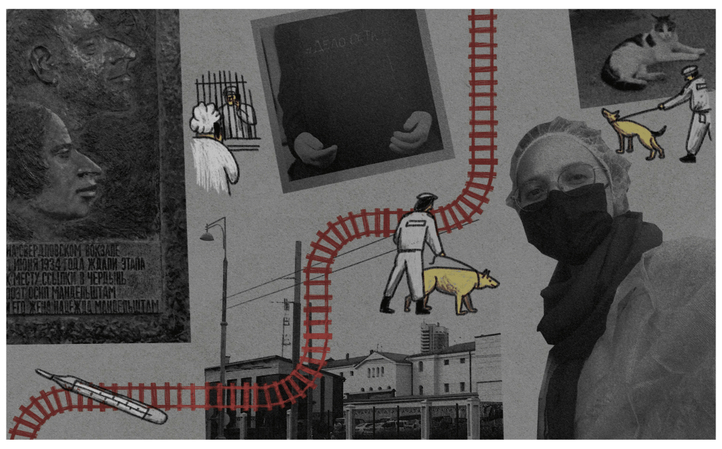

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Киров — Екатеринбург (с 26 июля по 4 августа)

«Ходили на привязи автозак — столыпин — автозак, а собаки ГАУ ГАУ ГАУ»

«Тяжело ориентируюсь в датах, но, кажется, уже гавгуст. В субботу после отбоя нас подняли на этап, около 6 утра все загрузились в Столыпин, а ночью в понедельник выгрузили (ехали переполненные) и только к обеду подняли в хату. Оч хочеца спать! А так я — супер! На обед дали даже куриной грудки, ого!» — это письмо Витя отправляет уже из Екатеринбурга.

Этапный вагон заключенные по-прежнему называют «столыпиным». Витя уже успел с ним познакомиться в 2018 году, когда его, Игоря Шишкина и Юлия Бояршинова возили в Пензу на очные ставки. Тогда Витя подробно описывал этот вагон:

«Внутри два вида купе: с тремя шконками и с 6+ шконками. Почему "6+"? Шконки в купе в три

ряда. В больших купе они с двух сторон, но на одной из шконок второго яруса лежит… дверь. И вот она открывается, образуя с двумя другими досками одну плоскость. В малых купе шконки лишь с одной стороны. Шконки — просто крашеные доски, постельного не выдают, попу и бока арестантов не щадят. Садить, я полагаю, должны по трое в малое и по семеро в большое. На практике я ездил и вчетвером в малом, и 12 нас ехало в большом, и один катил в малом, и втроем отрывались в большом.

Кипяток дают четыре раза в день, столько же раз водят в туалет: в 6, 12, 18, 00 часов. Дополнительно сходить — почти нереально, бывалые берут с собой бутылку. Курить запрещено, но это формальность. Между купе вполне спокойно гуляют сигареты, записки и прочие вещи, которые можно просунуть в решетку с отверстиями в 3-4 см. Собственно от прохода купе закрыты решеткой с очень узкой отодвижной дверью — вход выход только бочком, часто застревают сумки.

В зависимости от вагона в окно видно либо ничего, либо немного. На станциях окна обычно закрывают — маскировка. Вагоны есть старые, а есть новые (в них куча камер, смотрят прямо в душу). Отличаются они скорее внешне. Ну, в некоторых старых бывает бойлер на дровах — тогда конвою выдают аккуратные вязаночки дров. XXI век же».

Во дворике СИЗО в Екатеринбурге я впервые вживую увидела, как натаскивают служебных собак. Сотрудник кричит и бьет собаку, а она кусает его за специальный плотный нарукавник. Собаки часто

сопровождают этапирование заключенных, громко и надрывно лают.

«Ходили на привязи автозак — столыпин— автозак, а бешеные собаки ГАУ ГАУ ГАУ и бросица на нас все норовили», — писал Витя о своих встречах с натасканными псами.

Витя рассказывал, что в Екатеринбурге в поезд и из поезда конвоировали не просто с собаками, а «нанизав» три десятка арестантов на один металлический трос. Заключенные в наручниках прицеплены к этому тросу, в руках у них тяжелые сумки, так и передвигаются.

Вспоминал «хоррор»: как они таким неповоротливым гуськом в темноте переходили железнодорожные пути и увидели фонарь несущегося на них поезда. Было страшно, кричали конвоирам, но те были невозмутимы. Поезд приблизился — и свернул на другие рельсы.

Письма о еде на этапе

4 июля, Вологда: «У меня сахара осталось на три чаепития. Я пью два чаепития в день. Ем весь местный хлеб. Он не вау, но съедобный. Скучаю по сечке. Основное блюдо тут каркошка и какуста. Но в целом лучше, чем на Шпалере. Моей еды у меня больше нет, токмо чай и кафеты. Вру, есть один китайский суп и один пакетик овсянки. Но это же на черный день!».

12 июля, Киров: «Кормили обедом. И в Вологде, и тут есть мясо. Тут вроде даже больше — наверное, потому что больничка. Жить можно (в

плане баланды, так-то лучше в Вологде). Вообще все сходятся в одном: сидеть надо в Выборге, особенно если есть деньги.
Сидим на голяках, у нас только немного моего чая. Баландный тоже пьем и даже местный кисель (плохой, но лучше, чем в Вологде)».

17 июля, Киров: «В Кирове вместо обычной тюремной хряпы дают очень жидкую каркошку с вкраплениями малосольного огурца. Мы сгущаем ее сухой каркошкой, что зашла с магазином Р., и выходит норм, если есть с огурцом и луком. И черным хлебом».

Холодный подвал в Екатеринбурге

Еще в Кирове я узнала, что в СИЗО-1 Екатеринбурга жесткий карантин: не принимают передачи, нет свиданий, адвокаты должны быть в целом комплекте средств защиты: маска, перчатки, шапочка, халат/комбинезон и бахилы. Кировские товарищи снаряжают меня в дорогу, и рано утром 29 июля мы с Витиной сестрой уже стоим в очереди из таких же инопланетных адвокатов на проходной.

Сестра ждет у стен СИЗО, пока я несколько часов гоняюсь за разными сотрудниками, чтобы они выписали мне пропуск. За эти дни я провела еще несколько часов в приемной начальника, подолгу дожидаясь его с совещаний и выездов.

У меня нет статуса адвоката, поэтому каждый раз мой пропуск подписывает начальник или его зам. Такая процедура ничем (по крайней мере, опубликованным в открытом доступе) не регламентирована, но мой статус «общественного

защитника» (в кавычках, потому что такого термина нет в законах) плюс Витин статус транзитного политзека по террористической статье приводит в замешательство сотрудниц. Они посылают меня к начальству, потому что не готовы брать на себя «такую ответственность».

Я здесь познакомилась с местной общественной защитницей, которую суд допустил к мужу. Они ждут апелляции, и я была рада поделиться с ней всеми ссылками, которые помогут отстоять свое право на посещение мужа и после вступления приговора в законную силу.

Защитники в екатеринбургском централе постигают дзен в многочасовом ожидании. Из-за карантина встречи проходят в комнате краткосрочных свиданий: лабиринте из пластиковых окон, по разные стороны которых сидят защитники и их доверители. Ни о какой конфиденциальности речи не идет: разговоры через трубку могут прослушиваться сотрудниками, а все, что говорят люди вокруг, слышно остальным.

В 10 часов адвокат из первой партии заходит в СИЗО, ждет в этой комнате часа два, около 12 к нему, наконец, выводят подзащитного, а в 13 часов уже обед. И так почти у всех, кого я там видела.

СИЗО Екатеринбурга, да и другие изоляторы центральной России, переполнены, сотрудников не хватает. Этапные вагоны тоже полны арестантами. Витя говорит, что, возможно, это потому что после вступления в силу закона, позволяющего отбывать заключение ближе к дому, происходит

массовая миграция зэков. Но на осужденных по террористическим, экстремистским и некоторым другим статьям, кстати, это не распространяется.

> **Письмо из Екатеринбурга о какаве и холоде**
>
> **28 июля**: «Я пью какаву с печеньками. Сижу один, зато дочел "Фрагменты" Гребера. Еще тут есть радиво, сейчас играет "Новое" — много про лубофь и отношения, есть даже одна с нано-фем-уклоном.
> Холодно, кажется, я уже заболел! Кхе-кхе! Не могу постирать кофту — пока сохнет она, окоченею я. Так что лежу — воняю! :)
>
> Еще казахско-молдавско-узбекская дорожка в Екб разошлась, навсегда, видимо: мне на юг, им на восток».

В Екатеринбурге Витя жалуется мне, что заболел. Сидит в спецблоке один, в подвале, там очень холодно, и он никак не может согреться. Во время нашей первой встречи ему на глазах становится хуже, с трудом даже сидит на табуретке. Мимо проходит сотрудница в белом халате, я спрашиваю, не доктор ли она, сотрудница отвечает: «Ага, доктор наук!». Дальше мы с Витей только так ее и называем.

На следующий день, подписывая пропуск у зама, я спрашиваю, почему такие условия — и вечером Витю посещает начальник, осматривает его камеру, приказывает заменить рваную наволочку на целую и белоснежную. Кажется, такое внимательное отношение администрации связано с публикацией статьи на предыдущей пересылке в Кирове.

Погода в Екатеринбурге теплеет, Вите становится получше, он уже более-менее комфортно продолжает сидеть на «цокольном этаже», как назвал этот подвал замначальника. Посетив Витю, члены ОНК отмечают, что света в подвале практически нет, и одно это уже создает пыточные по сути условия.

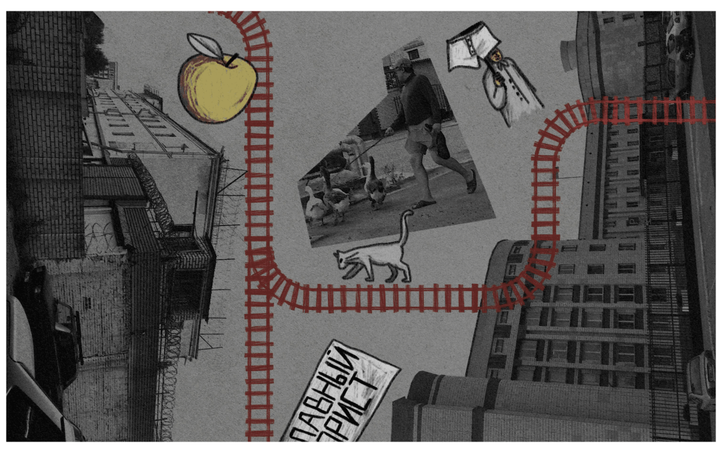

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Ектеринбург — Челябинск (с 5 по 6 августа)

Когда Витю увезли из СИЗО Екатеринбурга, мне никто, конечно, не сообщил, куда дальше его везут. Но по разным разговорам мы были почти уверены, что уже напрямую в Оренбург. Так что 5 августа я гуляла по городу перед поездом на Оренбург, как тут пишет Витина сестра — она получила от него «ФСИН-письмо»[14] из Челябинска! Настоящий сюрприз и удача: что в челябинском СИЗО-3 подключено «ФСИН-письмо», и что письмо прошло цензуру так быстро.

«Я в Челябинске, — пишет он. — С самого утра, но вот только вечером подняли в хату. Оч хочу спать. А вообще — все хорошо, как всегда :) Этап — всегда не очень просто. Но я переношу отлично все лишения этой фашистской системы».

В ночь на 6 августа выезжаю в Челябинск. На вокзале Екатеринбурга натыкаюсь на мемориальную доску: «На Свердловском вокзале 1 июня 1934 года ждали этапа к месту ссылки в Чердынь поэт Осип Мандельштам и его жена Надежда Мандельштам».

Утром я в Челябинске. В спецотделе СИЗО сталкиваюсь сначала с подозрением, а вскоре и агрессией сотрудниц: «Вы, общественные защитники, для меня — никто!», «Как вы разговариваете с людьми в погонах!», «Знаем мы, зачем вы сюда ходите — лишнее свидание хотите получить, а не право на защиту!» — и так далее. Я иду к замначальника, который без вопросов подписывает мое заявление. «Подписывает, не глядя», — бурчит сотрудница, которая теперь не может не пустить меня.

Изолятор выглядит неопрятно: в дежурке пахнет табаком, на стенах пожелтевшие образцы каких-то заявлений, ремонта давно не было, но зато по коридору расхаживает кот по имени Бродяга. Приводят Витю. Он говорит, что постельного белья не дали, одеяла тоже нет, эту ночь спал на голой подушке и матрасе. Свидания тут через стекло, но не по телефону, а через маленькое окошечко. Хотя это неважно — слышимость прекрасная, и слышно всех.

Рядом свидания с родными у заключенных женщин. Пока я час жду Витю, невольно подслушиваю разговоры. Молодая женщина просит мужа передать ей яблок из домашнего сада, а он говорит, что в этом году яблоки совсем не уродились. Заключенная дочь с надрывом обсуждает что-то с мамой — кажется, планы на будущее.

Этап у Вити в тот же день, мы прощаемся до Оренбурга.

В Челябинске мне неуютно. Встречаю на улице мужика, который ведет по тротуару гусей. Решила шикануть, иду на бизнес-ланч в ресторан на 27 этаже. В роскошном пустом зале до меня долетает разговор об аренде нефтяных вышек и горькие воспоминания об убийстве друга-бизнесмена.

В Челябинском музее главный хит — метеорит 2013 года. Здание музея новое, в залах XX века бросается в глаза «белое пятно» между стахановским движением и началом Великой Отечественной войны. Ни слова о репрессиях 1930-х годов, ни одного документа, ни упоминания хоть одной личности, пострадавшей от репрессий — при том, что в городе было расстреляно 11,5 тысяч человек. Я с сожалением пишу об этом в Книге отзывов. Смотрительницы сразу читают и неодобрительно шушукаются мне вслед.

Прохожу мимо современного дворца ФСБ Челябинска (я не то чтобы специально ищу эти дворцы, но не заметить их реально сложно). Это не особняк начала XX века, конечно, но тоже выглядит солидно: огромное, за забором, позднесоветское здание из кирпича со своим следственным изолятором.

На этом заборе в феврале 2018 года, через месяц после ареста Вити и огласки пыток по делу «Сети», появился баннер «ФСБ — главный террорист». Из-за него сотрудники ФСБ пытали местных анархистов, а теперь двоим — Анастасии Сафоновой и Дмитрию Цибуковскому — прокурор потребовал по 6 лет заключения.

Челябинск — Оренбург (с 7 августа по 22 января 2025-го)

Мы с Витей, как выяснилось, ехали в одном и том же поезде — и, видимо, даже в соседних вагонах! Я всю дорогу спала в хвосте поезда и ленилась выйти на улицу во время стоянок, а Витя говорит, что их вагонзак прицепили к хвосту, и — чудо! — даже окна не были заколочены. Но дорогу Витя перенес тяжело. Почти сутки в переполненном купе невозможно было вытянуть ноги. Сев в поезд в Челябинске днем, он смог сходить в туалет и получил кипяток только на следующее утро.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

В Оренбурге в первый рабочий день иду в «Копейку» — ИК-1, куда должны привезти Витю. Его тут нет. Зато есть столовая. Цены более чем демократичные: самое дорогое блюдо, гуляш, стоит 50 рублей.

Витя нашелся в СИЗО-1 — еще один этап на полуторамесячном пути в колонию. Он явно болен, ждет таблетку парацетамола, обещанную фельдшером при поступлении в СИЗО. Эту несчастную таблетку ему дадут дней через пять, а пока я пишу жалобу начальнику (ответа до сих пор нет), иду на оренбургское «Эхо Москвы», рассказываю о неоказании медпомощи. В итоге у Вити взали анализ крови и 12 августа, наконец, перевезли в ИК-1 Оренбурга.

От СИЗО-1 рукой подать до модной набережной. В Оренбурге она еще круче, чем в Кирове: прекрасная качалка, бесплатный туалет, скейтпарк, качели, детские площадки и даже песочный пляж. Над набережной возвышается дворец ФСБ. Это гигантское здание, которое уже несколько лет строят на высоком берегу катастрофически мелеющего Урала. Рядом разрушается здание Летной школы, в которой учился Гагарин. Дворец ФСБ строится с размахом: местные говорят, что там есть даже собственная электростанция. Когда я первый раз шла мимо и увидела этот дворец, окруженный забором, из которого торчат копья и видеокамеры, я подумала: «Это очень похоже на ФСБ, но нет, это уж слишком». Вовсе даже не слишком.

В колонию я прохожу без проблем, уже жду Витю за стеклом в комнате для свиданий — но вдруг меня отводят обратно в дежурку и сообщают, что он в

карантине на две недели и свидания с адвокатом не положены. Я возмущена, но приходится выйти из зоны, пойти к начальнику. Он говорит то же самое, ссылаясь еще и на свои консультации с прокуратурой. У этой колонии не очень хорошая репутация: в начале 2020 года там сильно избили «Свидетелей Иеговы»-[15], а местный «Комитет против пыток» говорит,

> что регулярно получает жалобы в том числе из этой колонии. Конечно же, недопуск защитника мы расценили как угрозу Витиной безопасности и здоровью, стали трубить об этом везде. Сработало: в обед мне позвонил замначальника колонии и пригласил прийти.

Витю я в первый момент не узнала: в не по размеру мешковатой форме и не налезающей на голову маленькой фуражке. Обувь ему выдали 45 размера — намного больше, чем нужно. Самочувствие его тогда было еще совсем неважное, а условия карантина были больше похожи на условия ШИЗО (а в чем-то даже и строже), да и проходил карантин в камере СУОН[16].

Через две недели из «карантина» его перевели уже в настоящее ШИЗО на шесть суток — за два мелких нарушения, полученных в первый день в лагере. И уже во время этих шести суток ШИЗО продлили еще на семь дней за то, что он якобы не поздоровался с сотрудником.

Итого: 14 суток «карантина» с условиями ШИЗО + 13 суток ШИЗО — так Витя проведет свой первый месяц в оренбургской колонии. Если ничего не случится, и взысканий больше не добавят, то 8 сентября он выйдет, наконец, из штрафного изолятора в отряд.

Все это время Витя сидит один. Передачи, звонки, свидания, личные вещи — все это запрещено. Письма теоретически можно, но пока за все время в колонии Витя получил только одно письмо и одну открытку. Повторные взыскания создают угрозу перевода на более строгие условия содержания[17].

«ШИЗО это пытка невозможностью лечь, баландой, скукой и одиночеством»

Записано Евгенией Кулаковой 3 сентября: «На карантине меня содержали в довольно большой камере, думаю, больше 12 кв м. Она рассчитана на двух человек. В ней есть раковина, лавка и стол. Унитаза нет, но есть сливной бачок. Подъем в 5:30, после чего у меня забирали матрас. В 21:30 отбой. Разрешали иметь в камере беруши, зубную пасту и щетку, мыло, туалетную бумагу. На шестой день я начал читать книги, и все их прочел. Последние пару дней мне разрешили взять свою распечатку заданий по дифурам.

Потом я переехал в ШИЗО. Тут уже повеселее. какую-то часть дня играет радио. Первое место — у радио "Вера". Сможет конкурировать радио "Мир". Радио "Монте-Карло" — в догоняющих. Радио играет где-то на продоле, и я почти не могу разобрать слов, а музыку слышу. В камерах есть активная вентиляция, которую обычно выключают на ночь. А сейчас на улице стало прохладно, и днем тоже выключают, чтобы мы не мерзли. Поэтому радио слышно лучше. Два часа в сутки по тому же радио включают какие-то лекции. Я пытался понять, про что там, но все, что я понял — что первая была про ПВР[18], а в другой сказали, что

нужно съедать 400 грамм свежих овощей каждый день.
Еще из плюсов ШИЗО — деревянный пол. А значит, можно ходить босиком (а то у меня гноится палец). И спальные места сплошные деревянные, в отличие от решетчатых в карантине.
Камера на четверых, и поменьше карантинной. Может, чуть меньше 12 квадратов. Думаю, что даже вдвоем там вполне можно разместиться: у стола две лавки, шконари с 5 утра до 9 вечера поднимаются к стене. Сливного бачка здесь нет-[19], что огорчает. Еще огорчает, что нельзя беруши (ночью часто будят замки, решетки, двери).
Вообще можно постоянно в камере иметь только мыло, туалетную бумагу и кружку. Зубную пасту и щетку выдают утром и вечером. Книгу выдают на один час, с 19 до 20.
Ни здесь, ни в карантине нельзя ложиться даже на пол.
Короче, ШИЗО это пытка невозможностью лечь, баландой, скукой и одиночеством (в моем случае, потому что я уже 22 дня в одиночке). А так — чистенько, покрашены и стены, и пол, краска не отпадает. Туберкулезом здесь вряд ли можно заболеть.
Большую часть дня я хожу. От стенки до стенки или вокруг стола. Когда совсем начинают болеть ступни, я сажусь (пока не начнет болеть попа). В карантине из окна можно было считать голубей, садящихся на провод. Их количество доходило до 25. А в ШИЗО из окна можно считать только количество решеток, отделяющих меня от стены за окном. Так как это величина постоянная, быстро теряешь интерес».

Вите остались 3,5 года в этой колонии. Я посетила его 3 сентября, накануне отъезда из Оренбурга. Он надиктовал впечатления о первых днях в колонии — сейчас мне совсем не смешно, а в тот момент мы много смеялись. Смех защищает — как сказал Вите сосед по приемке в колонию, которому тоже выдали обувь огромного 45 размера: «Стараюсь угорать над этим, чтобы не расстраиваться».

Мой ФСИН-трип закончился. Получилось главное, ради чего он был задуман — прорвать глухую неизвестность этапа. Но далеко не все могут его повторить: нужен процессуальный статус, время, средства и силы. И пока не изменится законодательство, пока не будет электронных писем в каждом учреждении, пока транзитным заключенным на пересылках не перестанут говорить, что очереди на звонок они не дождутся никогда — до этих пор этап будет одним из самых тяжелых испытаний для всех арестантов и их близких.

Редактор: Егор Сковорода

---

1. Это позволяет пункт 2 статьи 49 УПК: «По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый».
2. СИЗО-3 на Шпалерной улице в Петербурге.
3. По беспределу осуждены.
4. Тюремный охранник.
5. Запрещенное в СИЗО бритвенное лезвие.
6. Карцер.
7. [Роскомнадзор]

8. Областная больница ФСИН имени Федора Гааза в Петербурге, в которой Филинков лежал после голодовки в ноябре 2019 года.

9. «Фрагменты анархистской антропологии» Дэвида Гребера.

10. Формально петербургское СИЗО-3 на Шпалерной улице относится ко ФСИН, но де-факто его контролируют сотрудники ФСБ.

11. Причем начальник СИЗО Анатолий Герасимов, взрослый и солидный человек, ломал комедию, говоря, что «берет на себя ответственность в ситуации неопределенности» и пропускает меня — хотя в тот момент уже пришло такое распоряжение из прокуратуры, отвечавшей на мои жалобы и обращение уполномоченного по правам человека.

12. Верховный и Конституционный суд указывают, что защитник, допущенный судом к участию в уголовном деле, сохраняет свой статус и процессуальные права на всех стадиях производства по делу, в том числе и после вступления приговора в законную силу.

13. Российские власти продолжают массово и бессистемно пополнять списки «иностранных агентов» — туда включают правозащитников, политиков, активистов, журналистов, некоммерческие организации и издания. Закон о СМИ обязывает нас указать, что «Идель.Реалии» внесены Минюстом в реестр СМИ — «иностранных агентов».

14. Сервис, позволяющий отправлять электронные письма заключенным и быстро получать на них ответы. К «ФСИН-письму» и аналогичным сервисам подключены далеко не все учреждения. Так, например, из девяти колоний, в которых находятся сейчас фигуранты дела «Сети», такие электронные письма есть только в одной.

15. Закон обязывает нас упомянуть, что «Свидетели Иеговы» признаны судом «экстремистской организацией» и запрещены. В результате сотни последователей этой веры стали фигурантами уголовных дел, многие были приговорены к тюремным срокам.

16. Помещение для строгих условий отбывания наказания.

17. Повторное за год нарушение режима может быть признано злостным, а злостный нарушитель режима может быть переведен в помещение камерного типа. Заключенные там живут не в общих бараках, как в остальной колонии, а в закрытых камерах, как в СИЗО. Они не могут свободно передвигаться по территории колонии, у них еще сильнее ограничено число передач и свиданий.

18. Правила внутреннего распорядка в колонии.

19. Видимо, в ШИЗО, как и в карантинной камере, установлена напольная «чаша Генуи» — но тут уже без сливного бачка, так что смывать приходится из ведра.